

"...И БЛЕЩУЩИЕ ЧЕРТИТ АРАБЕСКИ"

"Одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры", эпохой "творческого подъема поэзии и философии после периода упадка" называл Н. А. Бердяев "культурный ренессанс начала века". "Вместе с тем, - писал философ о том времени, — русскими душами овладели предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир (А. Блок, А. Белый)"*.

Культурный ренессанс, подъем поэзии и философии, грядущие зори, предчувствие катастроф — в этих ключевых словах (символах) запечатлены характерные черты духовной жизни России начала XX столетия. Не случайно названы здесь и имена Александра Блока и Андрея Белого: обостренное художественное чувство и философское осмысление мировых исторических процессов позволили лучшим поэтам *серебряного века русской культуры* не только предвидеть события ближайших десятилетий, но и начертать образ всего столетия, к рубежу которого мы подходим:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

(Блок А. "Возмездие")

Читая в природных катаклизмах, в разгуле стихийных сил пророчества о дне настоящем и грядущем, вслушиваясь в "неустанный рев машины, кующей гибель день и ночь", провожая взором "первый взлет аэроплана в пустыню неизвестных сфер", Блок тревожно спрашивал:

Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

И как ответ на эти брошенные в пространство и время вопросы прозвучали слова:

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой...

*Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 164.

Когда написаны эти строки? В августе 1945 года, после того как "великое жертвоприношение" нашло свое "*воплощение*", поглотив *плоть* ста сорока тысяч человек? Нет, данный стихотворный отрывок взят из поэмы Андрея Белого "Первое свидание", созданной 19—20 июня 1921 года (в Троицын и Духов день, как указал сам автор по завершении работы). Что это? Поэтическая фантазия? Случайный художественный образ? Пророческий сон? Сверхразвитая *чувствительность новой души*, о появлении которой как отличительной особенности людей рубежа XIX—XX столетий говорили многие современники? Думается, дело не в мистическом провидении, а в особом типе миропонимания *ренессансного человека* XX века, художника, ученого и мыслителя, который имел право сказать о себе:

Я — сын эфира, Человек, -
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век.

Рождение нового века воспринималось многими как явление исключительное, знаменующее конец исторического цикла (*Fin de siècle*) и начало совершенно иной эпохи. По словам А. Блока, "уже январь 1901 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, ... самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствий"*.

"В жизни символиста все — символ. Не-символов — нет..."** — писала М. Цветаева. Именно первый год XX столетия стал годом "рождения к жизни "Андрея Белого"***. В Москве, на Арбате, в доме М. С. Соловьева (брата философа Вл. Соловьева) сын известного математика, профессора Московского университета Николая Васильевича Бугаева, студент естественного отделения физико-математического факультета Борис Бугаев был наречен "Андреем Белым". Под этим псевдонимом, предложенным М. С. Соловьевым, решено было печатать написанную студентом-естественником "Симфонию" ("2-ю, драматическую"). Речь шла не о музыкальном, а о литературном (прозаическом) произведении, впрочем, границы музыки, поэзии и прозы уже в первых сочинениях Белого оказались едва уловимыми. Свежие идеи и формы "Симфонии", сознательный выбор для ее публикации издательства "Скорпион", представление рукописи для ознакомления и оценки такому литературному авторитету, как Валерий Брюсов, — все это сразу связало молодого автора с новым литературно-художественным направлением рубежа XIX—XX веков, именовавшим себя "*символизм*".

Возникший в 80-е годы XIX века как течение французской литературы (П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме и др.) символизм нашел приверженцев во многих странах Европы, распространив при этом свое влияние на живопись, театр, музыку, становясь многогранным художественным и философским движением и диктуя своим сторонникам не только определенные творческие принципы, но и сам стиль жизни. В 90-е годы мощным потоком вливается в это общеевропейское течение первая русская волна символизма: в России публикуются философско-публицистические манифесты Н. М. Минского "При свете совести" (1890) и Д. С.

* Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 155.

** Цветаева М. И. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 259.

*** Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 379.

Мережковского "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы" (1893); в 1894 - 1895 годах выходят в свет три поэтических сборника "Русские символисты", представившие публике стихи В. Я. Брюсова и его окружения, появляются в печати произведения Ф. Сологуба, З. Гиппиус, К. Бальмонта, разворачивается переводческая деятельность русских поэтов, знакомящих читателей с новыми в европейской литературе.

Наивысший творческий взлет русскому символизму суждено было пережить в 900-е годы, что справедливо связывают с вступлением в литературу новой плеяды поэтов: Андрея Белого, Александра Блока, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Сергея Соловьева, Эллиса (Л. Л. Кобылинского), Максимилиана Волошина, Юргиса Балтрушайтиса. "Нас называли *"символистами второй волны"*; для меня это название значило: *"символисты"*, но не *"декаденты"**, — подчеркивал Белый.

Противопоставляя себя "старшим", "младосимволисты" не принимали крайнего субъективизма, самодовлеющего эстетизма и пессимизма "декадентов", отстаивали идею творчества как служения высшему началу. Препятствия культуры исчерпала себя, но конец цикла мировой истории — это не предвестие торжества хаоса (как переживало рубеж столетий старшее поколение символистов), а символ грядущего преображения мира, нового богоявления, преддверие новой жизни в Вечности. Эти эсхатологические идеи и чаяния, надежды на духовное возрождение человечества восходили к философии и поэзии Владимира Соловьева, последователями которого провозгласили себя "младшие" символисты. В восприятии Белого "декаденты — те, кто себя ощущал над провалом культуры без возможности перепрыга..."**. В отличие от неспособных к полету над бездной "младосимволисты" — "соловьевцы" — выдвигали программу активного социального творчества, преобразования в художественном акте мира, реальности. Для них художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры; новое искусство в основе своей религиозно, это теургия — магия, с помощью которой можно изменить ход событий, *"заклясть хаос"*, подчинить себе при помощи слов. Высшая цель символизма — это цель культуры — сотворение нового человека.

Символизм с самого начала не был для Белого просто художественным направлением, литературной школой, он воспринимался как *modus cogitandi* (образ мышления) и как *modus vivendi* (образ жизни). Вступая в схватку с "хаосом" за преобразование мира и личности, поэт сам преображается. Символичен сам акт принятия им нового имени, сопряженный в его сознании с вступлением в новый год, в новый век, в новую эпоху. "...И самое крещение меня моим псевдонимом *"Андрей Белый"* происходит в этом году; отсюда, из этого года, протягиваются нити, складывающие мое будущее" — так оценивал впоследствии поэт 1901 год — "единственный год в своем роде"***.

"Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает. Максим Горький, Андрей Белый — кто им отец?" — писала Марина Цветаева в очерке "Пленный дух", посвященном Белому. Рисуя трагический образ поэта, который, по ее мнению, "должен был разрываться между нареченным Борисом и самовольно созданным Андреем", Цветаева утверждала, что псевдоним

* *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 536.

** Там же. С. 535.

***РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 16.

— это подсознательное отречение от преемственности, потомственности, сыновности, отказ не только от отца, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от собственного младенчества, и от матери, знавшей Борю и никакого "Андрея" не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных. Ее пугала "полная и страшная свобода маски: личины: не-своего лица" и при этом "полная безответственность и полная беззащитность"*.

Всегда ли смена имени есть отказ от веры, сыновности и исторических корней? Посвящающий себя религиозному служению, принимающий постриг, принимает в монашестве и другое имя, но разве отрекается от веры? Подобная ассоциация вполне уместна, когда мы говорим об обращении студента Бугаева в Андрея Белого, ибо его уход в символизм, в литературное творчество (и шире — культуротворчество) сродни религиозному подвижничеству. Цветовая символика (*не-символов нет!*) высвечивает смысл второго "крещения". Белый цвет — гармоническое слияние всех цветов, божественный цвет, "символ воплощения полноты бытия" — так охарактеризует его сам поэт в статье "Священные цвета". Белый — любимый цвет Вл. Соловьева, чтимый в доме его брата — инициатора появления литературного псевдонима (его "крестного отца"). Символично и имя. Андрей — "мужественный"; так звали одного из двенадцати апостолов Христа - Андрея Первозванного, который, по преданию, проповедовал в Скифии и даже благословил места, где в будущем суждено было возникнуть Киеву и Новгороду. Апостолом нового учения XX века входил в литературу Андрей Белый**.

Художественное творчество Белого неотделимо от его философских исканий, от теоретического обоснования символизма. В своих научных трактатах, статьях, художественных эссе и рецензиях, публиковавшихся на страницах журналов символистского направления ("Мир искусства", "Новый путь", "Золотое руно", "Весы"), Белый стремился разработать теорию символизма как целостного миропонимания, как стройную систему и универсальную программу "искусства жить".

Система символизма представлялась поэту в виде мировоззренческой пирамиды, гранями которой должны служить наука и религия, поэзия и естествознание, философия техники и философия искусства, познание и творчество. В вершине пирамиды, по мысли Белого, сойдутся *монизмы*: материализм, идеализм, рационализм, позитивизм, мистицизм, при этом модуляцией послужит история философии и культуры.

Поддерживаемый собратьями по движению (особенно редактором "Весов" В. Я. Брюсовым) в художественных экспериментах, стилистических поисках и в журнальной полемике с оппонентами, Белый оказывался в полной изоляции, как только выходил за рамки проблем *литературной школы* и обращался к вопросам метафизики и диалектики, гносеологии, психологии творчества, философии культуры. Все пожимали плечами, когда поэт, бросив стихи про кентавров, заводил речь о "плотности энергии" и пытался приложить это понятие к эстетическим категориям. "Наукообразность" теоретических построений Белого, его тяготение к жанру трактатов — с обстоятельным научным аппаратом, чертежами,

* Цветаева М. И. Соч. Т. 2. С. 306.

** При всем своем даре предвидения Белый, конечно, не мог предугадать, какое толкование получит его псевдоним в будущем и какие опасности для него таит. В 1923 году Л. Троцкий напишет о Белом, что "самый псевдоним его свидетельствует о его противоположности революции, ибо самая боевая эпоха революции прошла в борьбе красного с белым" (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 49).

схемами и формулами — все это отталкивало почитателей поэтического дара автора "Золота в лазури" и "Пепла". "Вообще попытка Андрея Белого сойти с "пути безумий" на строгий путь критической мысли не могла не закончиться полной неудачей"* — такое суждение не раз высказывалось в символистских кругах. "В теоретических интересах я был одинок..."** — горестно признавал Белый.

Современные Белому философы ценили его художественное творчество и признавали за поэтом особый дар предвидения. "Его сознание подслушивало и подмечало все, что творилось в те канунные годы как в России, так и в Европе: недаром он сам себя охотно называл сейсмографом"***, — писал о Белом Ф. А. Степун. Если Бердяев уравнивал Белого и Блока как пророков нового века, то Г. Г. Шпет в Белом видел предвестника будущего: "Назначение художника: увидеть. Увидели ли наши художники новую действительность в нашей старой сущности? Общее мнение, что увидел Блок. Я думаю, что увидел Андрей Белый"****.

Но именно этим философам-профессионалам принадлежат скептические и даже уничижительные характеристики теоретических взглядов Белого. Степун называл мышление Белого "упражнением на летящих трапециях под куполом его одинокого "я". Бердяев писал, что "у А. Белого знания были сомнительные, он все постоянно путал"; говоря о симпатиях поэта к германской духовной культуре и пережитых им влияниях, философ подрывал всякое доверие к Белому как исследователю, тем более ученому-энциклопедисту, заявляя, что "он не знал как следует немецкого языка и ничего по-настоящему по-немецки не прочел"*****. А суждения Шпета о философских взглядах Белого сводились к следующему: "Есть разбитые догматы, затасканные учения, есть теософическая пошлость, нет истинно-религиозного ни на что эха"*****.

Слушая подобные оценки современников, Белый мог бы сказать строками одного из своих ранних стихотворений:

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом. <...>

Яркогазовым залит лучом,
Я поник, зарыдав, как дитя.
Потащили в смирительный дом,
Погоняя пинками меня.

Надрыв, крик души непонятого, непринятого, осмеянного пророка звучал уже в первых лирических произведениях Белого. Читая эти строки» невольно вспоминаешь сравнение-противопоставление Максимилиана Волошина, по словам которого "Вячеслава Иванова можно принять за добросовестного профессора, Андрея Белого за бесноватого..."*****.

Современники считали Белого поэтом, мистиком, творцом необычных художественных форм, гением или сумасшедшим, пророком или паяцем, но только не философом. Лишь Н. О. Лосский удостоил Белого

* Иванов-Разумник Р. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1919. С. 80.

** Белый А. Начало века. С. 544.

*** Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1. С. 277.

**** Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 367.

***** Бердяев Н. А. Самопознание. С. 195.

***** Шпет Г. Г. Соч. С. 371.

***** Волошин М. А. Путник по вселенным. М., 1990. С. 185.

звания философа, процитировав в "Истории русской философии" ряд строчек из его книги "Символизм". "В целом философия Андрея Белого есть разновидность пантеизма"* — резюмировал он, не раскрывая в деталях своей оценки.

Уход от анализа философского наследия писателя, замена его общими недоуменно-негативными или (реже) недоуменно-восторженными ремарками стали в дальнейшем традиционными для критических статей и монографий, посвященных Белому. Чаще всего исследователи, как отечественные, так и зарубежные, единодушны бывали в выводах о неоригинальности и эклектизме философских взглядов Белого, характеризовали их как смесь неокантианских теорий, эстетических идей Шопенгауэра и Ницше с мистическим учением Вл. Соловьева о "мировой душе", как череду-смену философских увлечений, порывистые и страстные переходы от одной идеалистической школы к другой и постоянные разочарования в избираемых кумирах, последним из которых был Рудольф Штейнер.

Правда, есть случай, когда отправную точку в смене философских симпатий поэта видят не в идеалистических концепциях. Так, Ф. А. Степун, характеризуя крайнюю изменчивость Белого, пишет: "Чего только Белый за свою, слишком рано угасшую жизнь, не утверждал как истину, чему только он не изменял. В молодости он утверждал марксизм и даже ездил в Ясную Поляну защищать диалектический материализм против Толстого. От Маркса он перебрался к Канту, но его кантианство очень скоро окончилось запальчивою полемикой против неокантианцев"**. Степун явно вводит читателей в заблуждение.

Во-первых, в своих мемуарах Белый не раз отмечает, что до окончания естественного факультета он Маркса не читал, был "социально неграмотен", но "уже с 1897 года поволит собственную систему философии"***. Во-вторых, в воспоминаниях Белого о Толстом не говорится о посещении Ясной Поляны. Поэт рассказывает о своих детских впечатлениях: родители Белого издавна были знакомы с Толстыми, маленький Боря Бугаев сживал на коленях великого писателя, а когда учился в гимназии с сыном Толстого, то бывал в Хамовниках. Завершают воспоминания фразы, исключая какую-либо возможность эпизода философских дебатов с Толстым: "Только один год я бывал у Толстых. Мы скоро разошлись с Михаилом Львовичем, к тому же он вышел из поливановской гимназии. Вскоре Л. Н. Толстой переехал в Ясную Поляну, и я его уже больше не видал последние пятнадцать лет"****.

Вместо фантазий о ранних увлечениях поэта следовало бы более пристально приглядеться к рационалистическим чертам его мировоззрения, оценить роль научных знаний в формировании Белого как теоретика символизма, чему обычно не уделяют должного внимания. Исследователи творчества Белого часто делают акцент на том, что еще в гимназии будущего поэта интересовало "новое искусство" (прерафаэлиты, французские символисты), что он был погружен в Канта и Шопенгауэра, с осени 1899 года "жил" Ницше и постигал древнеиндийскую философию, а весна 1900 года ознаменовалась для него встречей и беседой с Вл. Соловьевым. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что с конца 90-х годов будущий Андрей Белый приобщался к убеждениям,

*Лосский Я. О. История русской философии. М., 1991. С. 389.

** Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 278.

*** Белый А. Начало века. С. 10.

**** Белый А. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 644.

чуждым культуре "отцов" (особому типу русской "профессорской культуры") с их преклонением перед естественнонаучным знанием, позитивизмом и либеральными воззрениями. Но не следует торопиться.

Действительно, юный Борис Бугаев, отдавший чтению философской литературы последние гимназические и первый студенческий годы жизни, по его собственному признанию, не читал тогда многих произведений мыслителей, особо чтимых "отцами": Прудона, Фурье, Сен-Симона, энциклопедистов, Локка, Юма, эмпириков XVIII и XIX столетий, Огюста Конта, Бюхнера и Молешотта, большинства Гегеля. Даже Герцена, Бакунина и Чернышевского не удостоил вниманием. Но нельзя проходить и мимо таких фактов, что одновременно с работой над первым произведением в жанре симфонии ("предсимфонией") Борис Бугаев был увлечен книгами по естествознанию, выступал в физическом кружке профессора Н. А. Умова с рефератом "О задачах и методах физики". В списке литературы, прочитанной им в молодые годы, Лейбниц значится впереди Канта и Шопенгауэра, Вл. Соловьев соседствует с Миллем и Спенсером, Платон — с Бэконом и Гельмгольцем, сочинения по философии естествознания — в едином ряду с книгами по истории культуры и эстетическими трактатами.

Влияние на Белого взрастившей его среды научной интеллигенции, семейной культурной преемственности никак нельзя преуменьшать. Важно понять, почему увлеченный музыкой, поэзией и философией выпускник частной гимназии Л. И. Поливанова (лично поощрявшего филологические и литературные наклонности воспитанников) избирает для дальнейшего образования физико-математический факультет. Что-то — уступка желанию отца или же существовали причины высшего порядка? Увлеченность Бориса Бугаева естественными и точными науками воспринималась его литературным окружением как вынужденное препятствие на пути к "главному призванию". Традиционным стало в критике упоминание о том, как Белый на всю жизнь сохранил интерес к математике, физике, естествознанию и стремился подкреплять примерами, заимствованными из точных наук, свои теоретические изыскания. Подобное "признание" естественнонаучных интересов поэта напоминает высказывания его однокашника Н. Сулова, который, по едкому выражению Белого, мыслил о последнем "по прямому проводу, как о философе, подбирающем факты естествознания для ему нужной догмы**". Все прежние и новые попытки думать о Белом "по прямому проводу", вытягивать в "прямой провод" сложные зигзаги его творчества обречены на неудачу.

Состояние Бориса Бугаева перед поступлением в университет, обозначенное им позднее термином-символом "ножницы", ни в коей мере не было сомнением-дилеммой перед выбором карьеры, не было и борьбой между призваниями литератора или ученого-естественника. Быть писателем или естествоиспытателем — это слишком мало для Белого. В голове его "зрел собственный университет", он сочинял свой план "прохождения предметов: 4 года — естественный факультет, 4 года — филологический: "...при всем интересе к наукам и фактам, мной ставилась цель овладения методом осмысливания фактов в духе мировоззрения, строимого на двух колоннах; одна — эстетика, другая — естествознание; мировоззрительная проблема — увязка двух линий; то — в будущем; настоящее — открытые ножницы..."**

* *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 385,

** Там же. С. 381.

Интерес Белого к естественным и точным наукам — это не "чистая" любовь к разнообразным знаниям, как, например, бальмонттовское чтение с упоением на всех мыслимых языках по всем научным дисциплинам или "бескорыстный" интерес Брюсова к математике. Это особый этап на пути к новому миропониманию.

"Никто не внял проблеме моего двуединства: эстетико-натуралист, натуро-эстетик; не поняли временного отказа увязывать то, что по плану должно было в годах увязаться; виделась пляска противоречий; виделся разговор об эстетике над учебником анатомии или разговор о Гельмгольце над бетховенской музыкой... Я шокирую мыслями о "точной" эстетике ж ближайших друзей, Соловьевых; и ими ж я радую отца, столь враждебного моему "декадентству"*; — вспоминал Белый то время, когда он впервые начал развивать свои "смесительные мысли".

Белый-теоретик, который вдруг, говоря словами пушкинского Сальери, доверил "алгеброй гармонию", кажется многим странным и непонятным. Зачем поэту, пишущему о формах искусства, обращаться к категории "плотности энергии", введенной в науку физиком Умовым? Зачем, давая определение символа, проводить параллель с химическим синтезом? Зачем вычерчивать схемы, таблицы, писать математические формулы, когда речь идет о поэзии, философии, религии?

Бердяев наставлял Белого: "Думается мне, что Вам следует начать писать откровенно мистические трактаты. Ведь и "Эмблематика смысла" на три четверти мистический трактат, но не выдержанный по стилю ввиду Вашей слабости к "научности"**. В "не выдержанном" в мистическом духе трактате Белый между тем настойчиво проводил мысль, что "идеологией символизма должна быть широкая идеология" и тогда "символизм как мирозерцание возможен".

Тогда-то и рождается на свет мнение о "разных", "несовместимых" Белых, делаются попытки "развести" "химика" и поэта: "Есть гений художника Андрея Белого и есть размахайка кристаллографа Андрея Белого..."*** В сущности, созданный М. И. Цветаевой поэтический образ писателя, который "разорвался — навек", отразил не только ее субъективные впечатления, но и общее восприятие личности и судьбы Андрея Белого современниками. Разорванность натуры, "маски", несводимые к единому целому противоречивые черты характера, "раздвоение, расщепленность, расплесканность" (Г, Шпет), "незавершенность" внутреннего мира, его "шаткость" (Ф. Степун), несколько "острых углов, из которых складывается причудливый облик" (Е. Замятин), "смесь магистра с фокусником" (М. Волошин) — с такими и подобными им оценками сталкиваешься в большинстве мемуарных зарисовок, воссоздающих интеллектуальный портрет Белого. В резкой форме отрицал целостность характера и единство устремлений Белого Бердяев, который писал: "У этой очень яркой индивидуальности твердое ядро личности было утеряно, происходила диссоциация личности в самом его художественном творчестве. Это, между прочим, выражалось в его страшной неверности, в его склонности к предательству"****.

Может быть, только в мемуарах вдовы Белого К. Н. Бугаевой (частично опубликованных) чувствуется попытка противопоставить ка-

* Белый А. На рубеже двух столетий. С. 383—384.

** Бердяев Н. А. Письма Андрею Белому // ГБЛ. Ф, 25. К. 9. Ед. хр. 16, Л. 3 об.

*** Шпет Г. Г. Соч. С. 371.

**** Бердяев Н. А. Самопознание. С. 194.

нонизированному образу "разорванного" и "раздираемого" Бугаева-Белого теории "двух Белых" взгляд на писателя и философа как на гармоничную личность. Размышляя о Белом — поэте, теоретике, человеке, она пишет: "Это совсем разные, на первый взгляд, облики. Но странным образом они тесно связаны между собой, переплетены; они почти обуславливают друг друга. Точно живой закон сохранения энергии"* . Для характеристики единства и гармонии духовного мира Белого Клавдия Николаевна выбрала определение, близкое его собственной эстетике и "музыкальному" миропониманию: *контрапункт*. Именно этот термин употребил Белый, характеризуя в безуспешном споре с "толкователями" свое философское "я": "...самое мое мировоззрение — проблема контрапункта, диалектики энного рода методических оправ в круге целого..."**

Осознание неслиянности, но и нераздельности разных мелодий души, переплетения многих тем единого *симфонического произведения* — жизни художника — вот, кажется, истинный ключ к постижению феномена Белого.

В книге "Начало века" Белый иронически пишет о том, как его воспринимали современники: "...появляются оспаривающие друг друга "Белые" — в Белом: компания их: мистик, кантианец, поэт, стиховед, оккультист, скептик, индивидуалист, коллективист, анархист и социалист таким выгляжу я извне..."*** А на самом же деле "двухголовое существо" — *Белый* и "*студент-естественник*" — это, по словам самого поэта, аллегория: "Была одна голова, озабоченная проблемой увязки стремлений в картине проекций, строящих пространственную фигуру по законам логики, а не мистики; вставала проблема, как такая фигура возможна; именно: как возможно скрестить науку, искусство, философию в цельное мировоззрение..."****

Культура, трактуемая как "деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности", и есть, по мысли Белого, "особого рода связь между знанием и творчеством; философией и эстетикой; религией и наукой...". Проблемы культуры ставит он во главу угла, когда в 1909 году принимается за подготовку трехтомника своих литературно-критических и философско-эстетических работ: "Символизм", "Арабески" и "Луг зеленый". Символизм, его гносеология, его культура — вот идейный стержень этой теоретической трилогии Белого.

Первая книга должна была, по замыслу автора, "указать лишь вехи для будущей системы символизма...". Все конкретное, образное, афористическое, раскрывающее и иллюстрирующее теоретические установки "Символизма" Белый отбирал для книги "Арабески". "Луг зеленый" всецело посвящался вопросам русской культуры.

Как признавался впоследствии Белый, наибольшие сомнения у него вызывала первая книга: "...я не раз колебался: стоит ли выпускать эту рыхлую, неуклюжую книжищу..."***** Борьба за сохранение школы символизма, переживавшей кризис (достаточно вспомнить о закрытии в 1909 году журналов "Весь" и "Золотое руно"), попытки объединить творческие силы направления вокруг нового издательства "Мусагет",

* Бугаева К. Н. Печаль чрезмерного знания. Из воспоминаний об Андрее Белом // Советский музей. 1991. № 2. С. 40.

** Белый А. На рубеже двух столетий. С. 196.

*** Белый А. Начало века. С. 534.

**** Там же. С. 539.

***** Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 335.

возглавленного Э. К. Метнером, особая настойчивость редактора — все подталкивало Белого к спешной публикации собрания статей, посвященных общим проблемам символизма. Но написанные в разные годы и несшие на себе печать пережитых в свое время философских влияний (Шопенгауэра, Вундта и Геффдинга, неокантианских трактатов), прежние работы уже не удовлетворяли поэта-исследователя — они не могли отразить в обобщенной форме теории символизма. "...Очерк теории символизма мне виделся ясно; если бы были возможности мне затвориться на несколько месяцев, я предпочел бы готовить к печати заново написанный труд, опуская эскизы к нему (материал статей, с которым во многом я был уже не согласен)"*, — признавался Белый много лет спустя.

Но возможности "затвориться" и писать специальное исследование по теории символизма судьба поэту не предоставила. С ужасом видя "осколки" системы — разбитого здания, воздвигнутого в сознании, Белый предпринимает отчаянные попытки "хоть собрать кое-что из идеологических лозунгов в связном виде..." и вдогонку уже набираемому в типографии "Символизму" пишет в течение десяти дней трактат "Эмблематика смысла" — "черновик предисловия к будущей системе, в котором ответственные места испорчены невнятицей только спешного изложения, а не невнятицей мысли..." — как он сам расценивал данное произведение. Не успев закончить центральную статью "Символизма", Белый принимается за комментарий к данной книге, "вписывая в него эмбрионы ряда статей" и уповая на "возможность спокойно заработать над *"теорией символизма"* в будущем".

Белого не покидало чувство, что слишком часто в жертву тактике литературной борьбы, задачам дня, журнальной полемике ему приходилось приносить собственные теоретические интересы. Он сравнивал свои статьи с тугими колбасами, набитыми двумя начинками: начинкою *"темы дня"* и кусочками мыслей о символизме — эти последние всегда *"контрабанда"*. "Три года упорной журналистики вдребезги разбили выношенную в сознании систему символизма; и "65" статей — дребезги этой недонесенной до записи, передо мной стоящей системы", — с болью в сердце резюмировал автор "Символизма", "Арабесок" и "Луга зеленого".

Среди блестящих, всегда афористических, но не всегда справедливых оценок, которые выплеснул на страничке своих воспоминаний о Белом Вадим Шершеневич, находим одно, может быть, наиболее точно (речь, конечно, идет о "точности" поэтической) передающее трагедийный смысл судьбы Белого как теоретика: "Белый мог бы стать капиталистом разума. Он намеренно превращал себя в кустаря рассуждений"**.

Между тем нельзя не признать вслед за Белым, что "из сложения контрабандных кусочков" выявляется *кое-что* из не написанной им системы.

"Последняя цель культуры — пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество кует ценность" — эти положения, сформулированные Белым в очерке "Проблема культуры", вошедшем в первую книгу трехтомника — "Символизм", легли в основу многих его работ. Перенесение центра внимания на личность — свободную, творческую, героическую,

* *Белый А.* Между двух революций. С. 335.

** *Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова.* М., 1990. С. 450.

кую, на "внутреннее освещение человеческого прогресса" приводит Белого к переоценке самого понятия о прогрессе.

"Свет культуры" поэт характеризует как "отблеск Прометея огня, действительного огня действительного героя" и противопоставляет его декадентскому "пророчеству безличия": "Творчество ценностей есть творчество образов, и если образ творчества — человек, а форма его — жизнь, то мы должны созидать образ и подобие героя в жизни: для этого нужна личность" ("Пророк безличия"). Героические характеры драматургии Г. Ибсена хотя и не сопоставляются непосредственно с "безличными" персонажами С. Пшибышевского, но, соотнесенные с ними в книге "Арабески", отрицают их.

"Всякое искусство начинается там, где человеческий дух, хотя бы и бессознательно, провозглашает примат творчества над познанием. Свободная воля есть воля творческая", — говорится в статье "Театр и современная драма". Эстетическая концепция Белого — это программа жизнетворчества, а не создания "художественных форм". "Искусство окрыляется там, где *призыв к творчеству есть вместе с тем призыв к творчеству жизни*". Сама жизнь трактуется автором "Арабесок" как одна из категорий творчества. Искусство — мать устремления к преображению жизни, но пора перестать кормиться грудью матери — лучшим и тончайшим из людей пора распроститься с искусством и выйти в свободное поле жизненного творчества.

"Мы разучились летать: мы тяжело мыслим, тяжело ходим, нет у нас подвигов, и хиреет наш жизненный ритм: легкости божественной простоты и здоровья нам нужно; тогда найдем мы смелость пропеть свою жизнь: ибо если не песня живая жизнь, — жизнь не жизнь вовсе" — так развивается ведущий тезис Белого в статье "Песнь жизни".

Не случайно чаще других внимание поэта привлекает образ Фридриха Ницше, воплотившего в себе, по мнению Белого, творца жизни. Если и Кант, и Гете, и Шопенгауэр, и Вагнер создали гениальные творения, то Ницше "воссоздал новую породу гения, которую не видывала еще европейская цивилизация", он дал "стиль новой души", пришел к "*высшему мистическому сознанию*", нарисовавшему ему "*образ Нового Человека*".

И в русских философах Белый ценил прежде всего воплощение в их собственной жизни культурной программы "пересоздания человечества". "...Я не мог не научиться любить в Соловьеве не мыслителя только, но дерзновенного новатора жизни, укрывшего свой новый лик под забралом ничего не говорящей метафизики", — пишет он в статье "Владимир Соловьев".

Белый не отрицает своих связей с философскими учениями предшественников, но предлагает глубже взглянуть в их природу: "Не прикрепляйте меня вы, прикрепители, объяснители, популяризаторы, — всецело: к Соловьеву, или к Ницше, или к кому бы то ни было; я не отказываюсь от них в том, в чем я учился у них; но сливать "мой символизм" с какой-нибудь метафизикой — верх глупости..." Отмечая, что он "ни шопенгауэрианец, ни соловьист, ни ницшеанец, менее всего "ист" и "анец", Белый так характеризовал свое мировоззрение: "...оно ни монизм, ни дуализм, ни плюрализм, а плюро-дуо-монизм, то есть пространственная фигура, имеющая *одну* вершину, *многие* основания и явно совмещающая в проблеме имманентности антиномию дуализма, — но преодоленного в *конкретный монизм*"*.

* *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 196, 197.

"А Белый - намек, знамение, предвестие!.. Первое знамение будущего явления "новых людей!"* — так охарактеризовал, в 1910; году поэта критик-символист Эллис, выступая против ходячих суждений современников, не постигавших, страстного стремления Белого к гармонии.

XX век заявил, о себе величайшими научными открытиями; менялись представления, о физических законах, материи, движении, менялась картина мира. В теоретических и художественных исканиях Белого, в его осознанном порыве к синтезу, когда сплетаются в вязи аллегорий

Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

отразилось новое восприятие мира — единого, подвижного, "относительного".

Представление о "цельном мировоззрении", в котором нет антиномии научного и художественного мышления, точного и гуманитарного знания, Белый связывал с понятием "символизм", с категорией символа. Само слово "символ" он "производил" от глагола "сьюмбалло" (συμβάλλω *греч.*), выбирая из множества значений последнего — "соединяю" ("вместе сбрасываю" с выделением химической энергии, пресуществляющей хлор и натрий в третье, *новое* вещество: в соль). Символизм, подчеркивал Белый, - "осуществленный до конца синтез, а не только соположение синтезируемых частей ("сунтитэми" — сопологаю); в соположении количества не выявляют еще своих новых качеств"**. Проблему связи, соединения в конкретном синтезе — не только количественном или качественном, но качественно-количественном — Белый назвал проблемой символизма, а самую связь — символом.

Для теории символизма была плодотворной воспринятая им через поэзию и философию Вл. Соловьева платоновская идея "двоемирия". Видимый, постигаемый чувствами мир — лишь бледный образ, подобие "подлинной" реальности ("Только отблеск, только тени // От незримого очами..."). Все невыразимое, сверхчувственное, неадекватное внешнему слову способен передать на сокровенном языке намек и внушения символ. Смысл истинного символа неисчерпаем, для Белого символ — и художественный образ, и окно в мистический, запредельный мир, и категория мира реального. Символ, по Белому, — универсальная категория.

Увы, "воление" Андрея Белого сформулировать теорию символизма как универсальное мировоззрение, охватывающее все общественные, культурные, философские, религиозные, естественнонаучные, а также эстетические проблемы, так и осталось *программой будущего*. Утопизм поставленной задачи был и в самой, если так можно выразиться, стилистике мысли Белого, строившего систему, строгую теорию, идя путем *арабесок*. Пересечение чертежа и арабского узора, перерастание геометрического чертежа в арабеску или, что еще труднее, попытка представить причудливый узор в виде строгой схемы — вот основной стилистический прием автора "Символизма" и "Арабесок". Но в этой необычной авто-

* Эллис. Русские символисты. М., 1910. С. 211,

** Белый А. На рубеже двух столетий. С. 200—201.

рекой манере — торжество творческой свободы. Он писал: "В источнике мысли нет схем, есть живые, яснейшие арабески; *спираль* есть простейшая линия мыслелета..."

"Меня не слишком волновало задание дать законченную систему своих воззрений; и вовсе не волновало задание: взять "систему" напрокат у других..." — признавался Белый, ибо для него "мировоззрение — процесс вынашивания системы, а не система, "система" — агония в жизни мировоззрения, склероз его сердца. "Потенциалы к системе, прогляды и образы к ней, данные в афористической форме, — резюмировал он, — динамизировали мое философское творчество в большей степени, чем системы, изучаемые с карандашиком в руках..."*

"Стержень" мировоззренческих исканий поэта и философа — его вера в непреходящую ценность человеческого духа. "Верю в Россию. Она — будет. Мы — будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства. Россия большой луг, зеленый, зацветающий цветами" — эти слова, написанные Андреем Белым в 1905 году, могли бы послужить эпиграфом ко всей его "теоретической" трилогии о символизме.

На всех этапах творческого пути: и в период "зорь" символизма, и в теоретических исканиях 1909—1910 годов, и в уходе в антропософию, изучению которой он особенно отдается в период своего пребывания за границей (1912—1916), и в принятии Октябрьской революции, и в труде по культурному строительству, и в мечтах об открытии в России "Академии исканий", прокладывающей людям путь к истинной культуре, к синтезу, — он оставался верен поискам гармонической модели мироздания. Справедливо его самоопределение в стихотворении "Самосознание" (1914):

В надмирных твореньях, —
В паденьях —
Течет бытие... Но — о боже! —

Сознанье
Все строже, все то же —

Все то же
Сознанье
Мое.

Белый называл свое мировоззрение "мячом, бросаемым в руки следующим поколениям".

Из русских философов особенно близок Белому в его стремлении к универсализму Н. Ф. Федоров, в сознании которого также совмещались несовместимые (в традиционном понимании) начала: рационалистическое и мистическое, научное и религиозное, техническое и теургическое. О том, что в своем поиске гармонии, в вынашивании "системы символизма" как целостного мировоззрения Белый не прошел мимо идей Федорова, свидетельствует, хотя и неосуществленный, его замысел написать о Федорове книгу.

Среди современников Белого, в философии которых можно усмотреть черты, схожие с его гуманистическими исканиями, следует назвать П. А. Флоренского. В отличие от Белого он не ставил перед собой задачу построения системы мировоззрения, но его личность во многом отвечала пропагандируемой теоретиком символизма идее создания "нового чело-

* *Белый А.* Начало века. С. 551.

века", сливающего в себе черты разных культур: религиозной и светской, европейской и восточной, научной и художественной, национальной и вселенской.

Осознание неразгаданной современниками гармонической природы и глубокого смысла творческих поисков поэта придет позднее. В день похорон Белого — 10 января 1934 года — О. Э. Мандельштам напишет о нем:

Ему солей трехъярусных растворы
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.

В отличие от Блока, во многом, как мне кажется, завершавшего культурный XIX век, Белый весь в нашем столетии. Блок — мост, соединяющий XIX и XX века. Белый — отчаянный прыжок над пропастью, брошенный будущим поколениям "мировоззренческий мяч", "летучий луч звезды":

Звезда... Она — в неперенном блеске...
Но бегают летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Л. Сугай